

© 2009 г. Ю.Я. БУРМИСТРОВИЧ

ПОЗИЦИОННЫЕ СМЯГЧЕНИЯ ЗАДНЕЯЗЫЧНЫХ СОГЛАСНЫХ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье обосновывается положение о том, что смягчений заднеязычных согласных, вызванных гласными переднего ряда, в истории праславянского языка было не три, как об этом пишут во всех учебниках, а не менее семи (смягчение заднеязычных, вызванное согласным [j'], – так называемая йотация или йотовая палатация, – как явление, совершенно иное по механизму осуществления, в данной статье не рассматривается), причем были они весьма неодинаковыми, а именно: две переходные палатации, одна непеременная палатация, две переходные палатализации и две непеременные палатализации. При этом обосновывается и их хронология.

Обычно, когда говорят о смягчениях заднеязычных согласных в праславянском языке, отмечают, что этих смягчений было три, и, учитывая последовательность осуществления каждого из них, их обозначают порядковыми номерами: первое, второе, третье. Первым смягчением называют изменение заднеязычных в шипящие **перед** так называемыми первичными гласными переднего ряда, т.е. перед переднерядными гласными исконно монофтонгического происхождения. Вторым смягчением называют изменение заднеязычных в свистящие **перед** так называемыми вторичными гласными переднего ряда, т.е. перед переднерядными гласными дифтонгического происхождения. Третьим смягчением называют изменение заднеязычных в свистящие же **после** некоторых гласных переднего ряда разного происхождения, а также после палатализованного [r'] и в то же время перед гласным непеременного ряда [ā]. Нетрудно увидеть, что все представленные здесь смягчения оказались **переходными**, т.е. изменением заднеязычных в другие типы звуков. Абсолютное большинство исследователей все рефлексии всех этих смягчений считает «мягкими» и все процессы всех этих смягчений называет одинаково – палатализациями.

Только что приведенное описание всех этих трех палатализаций, только с бóльшей детализацией и с примерами, дается практически в каждом учебнике, где описываются праславянские фонетические процессы. Но все эти три палатализации, к сожалению, всегда рассматривались довольно односторонне – только с точки зрения **синтагматической** связи заднеязычных согласных и рядом стоящих гласных переднего ряда, конкретнее только с точки зрения синтагматических позиций их друг относительно друга. **Парадигматические** связи рефлексии (результатов) этих палатализаций вообще не рассматривались, а без такого рассмотрения настоящего понимания историко-языковых явлений получиться не может. Р.О. Якобсон еще в 1931 году писал: «Звуковое изменение нельзя понять, не выяснив его роли в системе языка» [Якобсон 1985: 117]. Из-за этой односторонности, несмотря даже на большую работу, проведенную традиционным языкознанием в области изучения синтагматических связей заднеязычных согласных и гласных переднего ряда, возникает ряд вопросов, на которые в традиционных описаниях ответов нет:

1) Если все эти процессы по самой своей сути были одинаковыми, а именно палатализациями, то почему в одних случаях они породили одни рефлексии (шипящие), а в других – другие (свистящие)?

2) Действительно ли все эти рефлексы были только «мягкими» и если это было так, то почему бы им не совпасть в одном типе – скажем, в шипящих, которые появились раньше всех других?

3) Что было причиной возникновения всех этих палатализаций? Обычно такой причиной считают действие закона сингармонизма, но в связи не с одной, а с тремя такими палатализациями и с тремя же (или хотя бы с двумя) разными их рефлексами сколько действовало таких законов – каждый раз один и тот же или каждый раз разные? И если это были разные законы, то не были ли в праславянском языке разными и сингармонизмы, причем и разными по-разному: с одной стороны, разными по отношению к разным частям фонетической оболочки слова (слог и не слог), а с другой стороны, разными по отношению к характеру взаимоотношений рядом стоящих в словах согласного и гласного звуков?¹

4) Не говоря эксплицитно о разных сингармонизмах, некоторые ученые предположили, что рефлекс так называемой 2-й палатализации были «полумягкими», а рефлекс так называемой 3-й палатализации – «мягкими». Как же эти разные рефлексы совпали: «полумягкие» перешли в «мягкие» или «мягкие» перешли в «полумягкие»? А может быть, с самого начала они были одинаковыми?

5) Если в праславянском языке действовал закон сингармонизма (неважно – какой именно или какие именно), то как быть с первыми слогами таких праславянских слов, как довольно раннее **hrībītās* ‘спина’ и как довольно позднее **hērī* ‘серь, нечто серое’ (отражено в новгородских берестяных грамотах в виде *хѣрь* – [Зализняк 1995: 37])? Была ли тут какая-нибудь палатализация или не было никакой? Если была, то она была явно другая по сравнению с тремя вышеназванными, а именно **непереходная**. Почему же тогда она не учтена? А если не была, то не было и никакого закона сингармонизма. Но если не было законов сингармонизма, то как же объяснить возникновение всех трех палатализаций, которые в качестве переходных описываются во всех учебниках?

Все эти вопросы ставят задачу разобраться и в таких более общих вопросах:

1) Сколько же в праславянском языке было на самом деле смягчений заднеязычных согласных?

2) Какими были эти смягчения?

3) Какими были тональности рефлексов (результатов) каждого из осуществленных смягчений?

В данной статье мы и ставим задачу ответить на эти вопросы. Естественно, что эти ответы смогут иметь хоть какую-то цену лишь в том случае, если они будут даны не так, чтобы они были приняты только на веру, а так, чтобы они были обоснованы.

¹ В словарях лингвистических терминов под сингармонизмом чаще всего понимают ассимиляцию, или уподобление, аффиксальных гласных корневым гласным в словах агглютинативных языков (в частности, тюркских), т.е., по сути, речь в словарях идет лишь о межслоговом уподоблении гласных звуков [Кротевич, Родзевич 1957: 151; Ахманова 1966: 405; Розенталь, Теленкова 1976: 377–378]. Иногда говорят об уподоблении и согласных звуков [ЛЭС 1990: 445]. Но если следовать этимологии этого термина (от греч. *συν* ‘с, вместе’ и *ἀρμονία* ‘связь, скрепа; правильное и прекрасное соотношение всех частей в каком-либо предмете, гармония, созвучие, соразмерность; стройный порядок’ [Вейсман 1991: 1186, 197]), то термин «сингармонизм» вполне уместно понимать как любую гармонию звуков в слове, в том числе и как гармонию или просто **совместимость** соседних **согласного и следующего за ним гласного** звуков в составе одного и того же слога. Рядом стоящие в слове согласный и следующий за ним гласный естественным образом стремятся вместе составить **звукосочетание**. Но оно возможно лишь в том случае, если эти согласный и гласный **в соответствии с действующим в языке фонетическим законом совместимы** друг с другом. Если же эта совместимость (соотносительно – гармония) почему-либо оказывается нарушенной, – например, из-за того, что в языке начинает действовать новый фонетический закон, а значит, и новые основания для совместимости соседних согласного и гласного, – то в группе таких соседних звуков должны произойти какие-то изменения по приспособлению звуков друг к другу уже на этих новых основаниях. В праславистике это понимание сингармонизма, несмотря на отсутствие соответствующего определения в большинстве терминологических словарей (но, впрочем, см. [Бордунова 1988: 62]), практически всеми и используется.

Прежде чем излагать нашу точку зрения и наши обоснования по каждому из этих вопросов, напомним точки зрения, существующие в литературе. Несмотря на то, что в абсолютном большинстве работ представлена одна точка зрения, все же те вопросы, которые поставлены нами, нет-нет всплывали и перед другими исследователями, хотя и не в таком полном виде.

По вопросу о количестве смягчений заднеязычных согласных в праславянском языке пока существует лишь одна точка зрения: смягчений было три и все они были переходными. О непереходных смягчениях пока никто не говорил, и, думается, не потому, что их не было, а потому, что они пока не были замечены. А не были замечены они потому, что соответствующий материал просто не подвергался анализу. Много старое переходило из книги в книгу без анализа.

Что касается названий (а значит, и качества) этих смягчений, то у всех авторов, кроме одного, название одно – палатализации. Единственный автор, который решил использовать другой, по его мнению, более точный термин, был белорусский ученый В.Н. Чекман, который, считая все рефлексии всех смягчений только «мягкими» (или палатальными), назвал все эти процессы **палатациями**, специально подчеркнув, что только палатации порождают «мягкие» (или палатальные) звуки, а палатализации порождают «полумягкие» (или палатализованные) звуки [Чекман 1979: 49 и сл.].

Нужно заметить, что само разграничение этих разных процессов впервые было осуществлено скандинавским ученым Б. Каллеманом, который для полусмягчения использовал немецкий термин «**Palatalisation**», а для полного смягчения – немецкий термин «**Palatalisierung**» [Calleman 1950]. В.Н. Чекман перевел эти термины на русский язык следующим образом: **Palatalisation** – палатализация, а **Palatalisierung** – палатация. Русские термины оказались явно удачнее немецких, потому что в термине «палатация» убрано, наконец, звуко сочетание **-лиз-**, которое имеется в термине «палатализованный», но которого нет в термине «палатальный», и, следовательно, термин «палатация» уже не порождает ненужных, ошибочных ассоциаций. Надо заметить еще и то, что и до сих пор последний термин В.Н. Чекмана никто, кроме нас [Бурмистрович 2001; 2006: 35], не употребляет, и это, безусловно, является крупным недостатком соответствующих работ, вышедших в свет после работ В.Н. Чекмана, ибо полумягкие (палатализованные) и мягкие (палатальные) согласные – это разные согласные (и звуки, и фонемы), а значит, и процессы, которыми эти разные звуки были порождены, были разными. Следовательно, и обозначать эти разные процессы нужно разными терминами.

Переходя к существующим точкам зрения по вопросу о тональности рефлексов смягчений праславянских заднеязычных согласных, нужно заметить, что таких точек зрения имеется гораздо больше, чем точек зрения по вопросу о количестве и качестве процессов смягчения. Вообще разновидности тональности (или тонального признака) любых звуков, в частности, согласных и в их числе рефлексов смягчений заднеязычных, обозначаются различными типами терминов, а именно акустическими, артикуляционными и даже метафорическими (как это ни покажется странным, метафорические термины являются наиболее распространенными). Так как все ученые, которые высказались о тональностях рефлексов учтенных праславянских смягчений, пользовались только метафорическими терминами («мягкость», «полумягкость»), то в рассказе об их взглядах мы будем употреблять эти метафорические термины, отложив разговор об акустических и артикуляционных терминах на то время, когда мы перейдем к своему взгляду на тональности освещаемых здесь и заднеязычных согласных, и рефлексов их смягчений.

Упомянутые точки зрения по рассматриваемому вопросу сводятся к следующему:

1) **Все** смягчения породили **мягкие** рефлексии, но первое смягчение – шипящие, а второе и третье – свистящие. Так считает абсолютное большинство ученых.

2) **Первое** смягчение породило **мягкие** шипящие, **второе** – **полумягкие** свистящие, **третье** – **мягкие** свистящие. Так, опираясь на Н. Ван-Вейка [Ван-Вейк 1950: 306], посчитал С.Б. Бернштейн [Бернштейн 1961: 208]. Его поддержали Б.И. Скупский

[Скупский 1965: 153], С.Ю. Адливанкин [Адливанкин 1971: 115, 121], А.М. Камчатнов [Камчатнов 1998: 52], М.Л. Ремнева [Ремнева 2004: 150], а Н.Г. Самсонов [Самсонов 1991: 74] и Р.В. Алимпиева [Алимпиева 1996: 75–76] не столько поддержали эту точку зрения, сколько отметили ее, что, вообще говоря, тоже важно, ибо большинство авторов никаких других точек зрения, кроме той, согласно которой все рефлексы всех смягчений были мягкими, даже не упоминают.

3) **Первое** смягчение породило **мягкие шипящие, второе – полумягкие свистящие, третье – мягкие свистящие, но потом свистящие**, получившиеся по третьему смягчению, **перешли в полумягкие и**, таким образом, совпали по тональности со свистящими, получившимися по второму смягчению. Так считает М.Ф. Станівський [Станівський 1983: 105].

4) **Все** смягчения породили **полумягкие рефлексы**, но первое – шипящие, а второе и третье – свистящие. Так в 1974 г. считала Г.И. Климовская [Климовская 1974: 60–62]. В своем учебнике 2003 г. [Климовская 2003: 102–109] автор не подчеркивает полумягкости рефлексов всех смягчений, но обозначает все эти рефлексы обычным знаком мягкости – запятой справа и чуть выше буквы, обозначающей соответствующий рефлекс, например: [č’], [c’]. Правда, у нее есть и такие транскрипции: [tǔč’q], [sũš’ā], но кажется, что этим Г.И. Климовская подчеркнула не столько полумягкость шипящих согласных, сколько то, что в старославянских написаниях *точж*, *соуша* буквы *ж* и *а* после букв, обозначающих шипящие согласные, не отражали оттенка переднего звучания гласных [q] и [a].

То, что существуют разные взгляды на один и тот же факт, – явление в науке обычное. Но тут плохо то, что ни один автор, кроме С.Б. Бернштейна, никак не обосновывает свою точку зрения.

Наша точка зрения и по вопросу о количестве праславянских смягчений заднеязычных, и по вопросу о качестве этих процессов, и по вопросу о тональностях получившихся рефлексов этих процессов отличается от всех приведенных выше. Так как в рассказе об этой нашей точке зрения, даже в первых строках этого рассказа, мы активно употребляем не только и не столько метафорические, сколько акустические и артикуляционные термины для обозначения тональных признаков звуков, то предварительно покажем в Таблице 1 на соотношение всех этих терминов.

Таблица 1

Термины метафорические	Термины акустические и их символы	Термины артикуляционные
Твердость	бемольность — C° и недиезность — C	велярность и лабиовеляризованность непалатализованность
Полумягкость	диезность — C'	палатализованность
Мягкость	нейтральность — C'	палатальность

Обратим особое внимание на термины акустические: с одной стороны, потому, что в стандартных учебниках они употребляются реже других, с другой стороны, потому, что с их помощью легче, чем с помощью других терминов, можно показать фонетическое развитие праславянского языка. Здесь прежде всего целесообразно упомянуть, что одной из первых классификаций акустических признаков тона (или тональных признаков) звуков явилась классификация Р.О. Якобсона, Г.М. Фанта и М. Халле, представленная в их совместной работе, вышедшей впервые в 1955 г. [Якобсон, Фант, Халле 1962: 193–204]. Согласно этой классификации указанный подкласс акустических признаков включает в себя три отдельных двоичных признака, способных к разного рода взаимодействию друг с другом, а именно: а) признак высоты (низкий – высокий),

б) признак бемольности (бемольный – простой), в) признак дизности (дизный – простой). Эта классификация используется в синхронической фонемологии [Панов 1979: 52–54, 57–58; Совр. русск. яз. 1979: 38]. В диахронической же фонемологии вполне оправдала себя несколько иная классификация, согласно которой подкласс акустических признаков тона включает в себя лишь один, но зато четверичный признак тона, имеющий такие четыре разновидности, как бемольность, недизность (она же небемольность), дизность, нейтральность. В связи с этим естественно, что при известной соотносительности этих двух классификаций полного соответствия между ними нет.

Теперь можно перейти к тому, чтобы указать, на что мы опираемся при выявлении рассматриваемых процессов и их рефлексов и в чем основные отличия нашей точки зрения от всех других.

Во-первых, вслед за Б. Каллеманом и В.Н. Чекманом мы четко разграничиваем палатации и палатализации праславянских заднеязычных, считая, что палатациями порождались палатальные (нейтральные, «мягкие») звуки, а палатализациями – палатализованные (дизные, «полумягкие») звуки. Но в отличие от всех других авторов, в том числе и от В.Н. Чекмана, мы обнаруживаем, что в истории фонематической системы праславянского языка происходили не однотипные смягчения заднеязычных (т. е. или только палатации, или только палатализации), а разнотипные их смягчения (т. е. и палатации, и палатализации).

Во-вторых, мы учитываем не только переходные палатации и палатализации заднеязычных, но и непереходные.

В-третьих, мы используем теорию группофонем В.К. Журавлева [Журавлев 1961; 1963; 1965; 1966; 2005; 2007]. См. также [Бурмистрович 2007а], которая помогла не только констатировать все праславянские фонетические процессы и их рефлексy, но и объяснить их².

Прежде чем характеризовать наше представление о процессах, заставивших праславянские заднеязычные согласные переходно или непереходно и в большей или в меньшей степени смягчиться, укажем в таблице, какую была периодизация истории фонематической системы праславянского языка. Предварительно заметим, что существуют разные построения такой периодизации и что то построение, которое принимаем мы, представляется наиболее логичным, потому что оно опирается на самые важные явления в истории праславянской фонематической системы, а именно на самые глобальные процессы и на те фонетические и фонематические законы, каждый из которых господствовал на протяжении или целого периода, или достаточно самостоятельного подпериода (или этапа) внутри крупного периода (см. Таблицу 2).

Если иметь в виду все праславянские процессы смягчений заднеязычных согласных гласными переднего ряда и при этом учесть историческую последовательность всех этих процессов, то они выглядят так:

1. Первая переходная палатация в раннем периоде существования праславянского языка по фонетическому закону внутригруппофонемного сингармонизма – тип

² Следует отметить, что теория группофонем В.К. Журавлева явилась закономерным обобщением многолетних поисков в этом направлении целого ряда ученых, таких, например, как Л.В. Щерба [Щерба 1983 (1-е издание – 1912)], Р.О. Якобсон [Jakobson 1929], Д.В. Бубрих [Бубрих 1930], Е.Д. Поливанов и О.В. Плетнер [Поливанов, Плетнер 1930], Л.П. Якубинский [Якубинский 1953, реально книга была написана еще в 1930-х гг.], Р.И. Аванесов [Аванесов 1947], Н.Ф. Яковлев [Яковлев 1948], А. и Е. Драгуновы [Драгуновы 1955], С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1958], М.В. Гордина [Гордина 1959] и др. После того, как В.К. Журавлевым была создана теория группофонем, эта теория была использована в целом ряде работ следующих поколений ученых, в том числе и в работах учебного характера [Макаревич 1986; 2001; Попова 1996; Попова, Кретов 1996; Бурмистрович 1995; 2001; 2006; 2008; Петров 1997; 2001; Нилогов 2003]. Интерес к этой теории проявился и в ряде рецензий, вышедших в последние годы в России [Кретов 2002; Федоров 2007], Украине [Глущенко, Орел 2007], Чехии [Бранднер 2008]. Это и понятно, ибо названная теория сумела дать ответы и на такие вопросы, на которые ни одна другая теория ответить не сумела.

Глобальный процесс	Фонетический или фонематический закон, который был вызван глобальным процессом и который в свою очередь вызвал частные процессы, обеспечившие осуществление глобального процесса	Период	Подпериод или этап
Формирование группофонем	Фонетический закон внутригруппофонемного сингармонизма (сингармонизма внутри простой группофонемы)	Ранний	–
Генерализация группофонем	Фонетический закон строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем внутри сложной группофонемы и подчиняющийся ему фонетический закон внутригруппофонемной восходящей звучности	Средний	1-й этап
	Фонетический закон внутрислоговой восходящей звучности (он же закон открытых слогов)		2-й этап
	Фонетический закон внутрислогового сингармонизма (сингармонизма и внутри сложной группофонемы, и внутри слога, совпавшего с группофонемой)		3-й этап
Разрушение группофонем	Фонематический (не фонетический!) закон парадигматической передвижки гласных фонем в своей подсистеме и частный фонетический закон межслового сингармонизма (причем сингармонизма не между гласными разных слогов, а между гласным и последующим согласным разных слогов) ³	Поздний	–

$h^{\circ} + \bar{i}_1 \rightarrow '(\check{\text{š}}''\bar{i}_1)$ ⁴, например: **sāuhītēi* → *(*sā*)*u'*(*š''i*) (*t''ē*)*i*, ср. будущее русское *сушить*, а также тип $h^{\circ} + \bar{e} \rightarrow '(\check{\text{š}}''\bar{e}) \rightarrow '(\check{\text{š}}''\bar{a})$, например: **slāuhētēi* → **s(lā)u'*(*š''ē*) (*t''ē*)*i* → → **s(lā)u'*(*š''ā*) (*t''ē*)*i* 'слушать'.

2. Первая непереходная палатализация на 1-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем ($C_{\text{ш}}C_cS\bar{V}$)⁵ внутри

³ О различии фонетических и фонематических законов см. [Бурмистрович 20076].

⁴ h° – любой заднеязычный из серии *g, k, h* (кружок справа и чуть выше буквы, обозначающей заднеязычный согласный, означает бемольность, сниженный тон, соответствующего заднеязычного); \bar{i}_1 – любой гласный переднего ряда первичный, т.е. исконный, из серии *i, ī, ē, ē* – на эту первичность указывает цифра 1 справа и чуть ниже буквы, обозначающей гласный переднего ряда (черточка над буквой, обозначающей гласный, означает долготу этого гласного, а дужка рожками вверх над такой буквой – краткость этого гласного; точка слева и чуть выше буквы, обозначающей гласный переднего ряда, означает диезность, повышенный тон, соответствующего гласного переднего ряда); $\check{\text{š}}'$ – любой шипящий из серии $\check{\text{š}}' \rightarrow \check{\text{ž}}, \check{\text{č}}, \check{\text{š}}$ – на эту шипящность указывает гачек, уголок, над соответствующей буквой (запятая справа и чуть выше буквы, обозначающей шипящий согласный, означает нейтральность, нулевой, тон, соответствующего согласного, в артикуляционных терминах это палатальность); $'(\check{\text{š}}''\bar{i}_1)$ – сочетание согласной и гласной буквы в скобках означает группофонему (запятая перед скобками и запятые внутри скобок означают, что и вся соответствующая группофонема, и каждый из ее компонентов являются нейтральными, нулевыми по тону (или по тональности)).

⁵ $C_{\text{ш}}$ – согласный щелинный C_c – согласный смычный, *S* – сонорный, \bar{V} – краткий или долгий слоговой гласный.

сложной группофонемы – тип $\underline{h}^\circ + \cdot(r\cdot\bar{i}_1) \rightarrow \cdot(\underline{h}\cdot r\cdot\bar{i}_1)$ ⁶, например: $*\underline{h} \cdot(r\cdot\bar{i}) \cdot(b\cdot\bar{i})(t\bar{a})s \rightarrow * \cdot(\underline{h}\cdot r\cdot\bar{i}) \cdot(b\cdot\bar{i})(t\bar{a})s$, ср. будущее древнерусское *хръбѣтъ* ‘спина’.

3. Вторая переходная палатация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\underline{h}^\circ + \bar{i}_2 \rightarrow \cdot(\underline{\xi}\cdot\bar{i}_2)$ ⁷, /лишь в некоторых говорах западного диалекта праславянского языка/, например: $*(\underline{h}\bar{a})i(r\bar{a})s \rightarrow * \underline{h}^\circ \bar{i}_2 (r\bar{a}) \rightarrow * \cdot(\underline{\xi}\cdot\bar{i}_2) (r\bar{a})$, ср. будущее чешское *šerý* ‘полутемный’, польское *szary* ‘серый’.

4. Первая переходная палатализация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\underline{h}^\circ + \bar{i}_2 \rightarrow \cdot(\underline{s}\cdot\bar{i}_2)$ ⁸ / в большинстве говоров всех диалектов/, например: $*(\underline{h}\bar{a})i(r\bar{a})s \rightarrow * \underline{h}^\circ \bar{i}_2 (r\bar{a}) \rightarrow * \cdot(\underline{s}\cdot\bar{i}_2) (r\bar{a})$, ср. будущее старославянское и древнерусское *сѣръ* ‘серый’. Первая переходная палатализация проходила, как видно из формулы, перед гласным \bar{i}_2 , т.е. перед гласным переднего ряда дифтонгического происхождения. Но, очевидно, под влиянием подобных многочисленных форм в некоторых случаях она произошла в заимствованных словах и перед гласным \bar{i}_1 , т.е. перед гласным переднего ряда недифтонгического происхождения, например: $*\underline{k}\bar{i}r\bar{k}\bar{y}$ (из герм. *kirkō*) $\rightarrow * \cdot(\underline{c}\cdot\bar{i}) r (k\bar{y})$, ср. будущее древнерусское *църкы* ‘церковь’.

5. Вторая непереходная палатализация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\underline{h}^\circ + \bar{i}_2 \rightarrow \cdot(\underline{h}\cdot\bar{i}_2)$ /лишь в некоторых говорах восточного диалекта праславянского языка/, например: $*(\underline{h}\bar{a})i(r\bar{a})s \rightarrow * \underline{h}^\circ \bar{i}_2 (r\bar{a}) \rightarrow * \cdot(\underline{h}\cdot\bar{i}_2) (r\bar{a})$, ср. будущее древнерусское новгородское *хѣръ* ‘серое (некрашеное) сукно’.

6. Первая (и единственная) непереходная палатация на 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка по фонетическому закону внутрислогового сингармонизма – тип $\cdot(k\bar{l}\cdot\bar{e})u \rightarrow \cdot(k\bar{l}\cdot\bar{u}_2)$, например: $* \cdot(k\bar{l}\cdot\bar{e})u(k\bar{a}) \rightarrow * \cdot(k\bar{l}\cdot\bar{u}_2) (k\bar{a})$ ‘ключка, длинная палка для опоры с загнутым верхним концом’ [Черных 1993. Т. 1: 404]⁹.

7. Вторая переходная палатализация в позднем периоде существования праславянского языка по фонетическому закону межслогового сингармонизма (но сингармонизма не между гласными, как в тюркских языках, а между гласным и последующим согласным, находящимся в следующем слоге) – тип $(C\cdot\bar{i})(\underline{h}\bar{a}) \rightarrow C\cdot\bar{i}s\cdot\bar{a} \rightarrow C\cdot\bar{y}s\cdot\bar{a}$ ¹⁰, например: $* \cdot(w\cdot\bar{i})(\underline{h}\bar{a}) \rightarrow *w\cdot\bar{i}s\cdot\bar{a} \rightarrow *w\cdot\bar{y}s\cdot\bar{a}$ ‘вся’; см. также: $* \cdot(s\bar{i}\cdot\bar{i})(\underline{g}\bar{a}) \rightarrow *s\bar{i}\cdot\bar{z}\cdot\bar{a} \rightarrow *s\bar{i}\cdot\bar{y}\bar{z}\cdot\bar{a}$, ср. будущее древнерусское *сѣръ* ‘стежа, дорога’.

Уже и из этих формул и примеров ясны тональности рефлексов и палатаций, и палатализаций, но, чтобы не было и тени непонимания, отметим развернуто: **переходные палатации** породили **палатальные (нейтральные, «мягкие») шипящие (и только шипящие!) среднеязычные рефлексы**, **непереходная палатация** породила **палатальный (нейтральный, «мягкий») нешипящий и несвистящий заднеязычный рефлекс**, **переходные палатализации** породили **палатализованные (диззные, «полумягкие»)**

⁶ Точка перед скобками и точки внутри скобок означают, что и вся соответствующая группофонема, и каждый из ее компонентов фонематически являются диззными, повышенными по тону (или по тональности), в артикуляционных терминах для согласных это их палатализованность.

⁷ Цифра 2 справа и чуть ниже буквы, обозначающей гласный, указывает на то, что этот гласный вторичный, т.е. не исконный, а из дифтонга после его монофтонгизации.

⁸ s^\cdot – в данной статье любой свистящий согласный из серии $z^\cdot \rightarrow z^\cdot, c^\cdot, s^\cdot$, получившийся из соответствующего заднеязычного согласного вследствие палатализации этого заднеязычного; как подсказывает и термин «палатализация», и точка справа и чуть выше соответствующей буквы, обозначающей свистящий рефлекс этой палатализации, каждый из этих свистящих был диззным, в артикуляционных терминах палатализованным.

⁹ Строго говоря, эта непереходная палатация произошла не перед диззным (переднерядным) гласным, а перед гласным бемольным (заднерядным огубленным), но чтобы она произошла, диззному элементу дифтонга пришлось задолго до этого изменить бемольную заднеязычную фонему в диззную **непереходно**. Другими словами, хотя для данной непереходной палатации роль диззного гласного была промежуточной, однако эта роль оказалась очень важной.

¹⁰ С прописное – любой согласный.

свистящие переднеязычные рефлексы, непреходные палатализации породили палатализованные (диезные, «полумягкие») нешипящие и несвистящие заднеязычные рефлексы.

Перед нами стоит главная задача – обосновать эту точку зрения. Наверное, здесь возможны разные подходы. На наш взгляд, обоснование становится особенно убедительным, если оно ведется с разных сторон или (быть может, так точнее) если для него используются разные параметры. Для обоснования нашей точки зрения берем следующие параметры:

1) внутренние противоречия в системе как причину изменений в этой системе вообще и как то, что может предсказать, в какую сторону вероятнее всего должно пойти изменение; при этом важно учитывать и характер внутреннего противоречия, которое может быть либо синтагматическим, либо парадигматическим;

2) фонетический или фонематический закон, который действует на соответствующем этапе развития фонематической системы языка;

3) этап развития группофонем (возникают ли они, или генерализируются, или разрушаются);

4) акустические свойства сочетающихся в группофонеме согласных и гласных компонентов в связях этих свойств со свойствами артикуляционными (эти свойства, как видно и из приведенной выше таблицы, являются более разнообразными, а значит, и более богатыми, чем те свойства, которые обозначены метафорически, а потому эти акустические и артикуляционные свойства и помочь в объяснении могут больше, чем те свойства, которые обозначены метафорически).

Итак, приступим к обоснованию высказанной точки зрения.

В ранний период существования праславянского языка ради разрешения того основного противоречия, которое было в начальной фонематической системе этого языка, в нем стали возникать **группофонемы** – такие сочетания рядом стоящих согласного и идущего за ним гласного компонентов, которые должны были быть одинаковыми по тональности и в этом состоянии могли лишь совместно выполнять фонемную функцию. В связи с этим возник фонетический закон **внутригруппофонемного сингармонизма**, который был призван ускорить процесс формирования группофонем и, главное, всячески сблизить до одинаковости тональности рядом стоящих согласного и идущего сразу за ним гласного.

Надо иметь в виду, что перед началом формирования группофонем в фонематической системе праславянского языка были следующие фонемы: согласные **b, p, d, t, z, s, m, n, l, r, g, k, h** и гласные **i, i, ē, ě, ū, ŷ, ā, ā**. По тональным типам согласные распределялись так: заднеязычные были бемольными (**B** – сниженного тона), а все остальные были недиезными (**неD** – среднего тона), а гласные распределялись так: гласные переднего ряда были диезными (**D** – повышенного тона), а все остальные были недиезными (**неD** – среднего тона). Соотношение этих тональностей можно схематически изобразить так: **D ← неD → B**. Из этого следует, что диезность и бемольность по отношению к недиезности были направлены в одну сторону и отстояли от недиезности на один шаг, а диезность и бемольность по отношению друг к другу были направлены в **противоположные** стороны и отстояли друг от друга на два шага. Можно сказать и так, что **D = -B**, а **B = -D**.

При объединении согласного и гласного в одну группофонему происходило следующее. Если соединялись согласный и гласный одинаковой тональности, т. е. недиезный согласный и недиезный гласный, то никаких изменений в тональности согласного и гласного не происходило – именно потому, что эти тональности были одинаковыми. Если же соединялись согласный и гласный неодинаковой тональности, т. е. недиезный согласный и диезный гласный или бемольный согласный и недиезный или диезный гласный, то изменения в тональности внутри группофонемы, естественно, происходили, но здесь происходило следующее. Если тональности согласного и гласного отстояли друг от друга только на один шаг, то побеждала тональность гласного и оба компонента группофонемы становились по тональности такими, каким был гласный, например: **d + i → (d' i)** или

$k^\circ + \bar{y} \rightarrow (k \bar{y})$. А если тональности согласного и гласного отстояли друг от друга на два шага и эти тональности, как мы видели выше (с. 97), были **прямопротивоположными** (а это значит, что в данном случае пытались объединиться бемольный согласный и диезный гласный), то эти тональности взаимно погашали друг друга и возникала общая тональность, **нулевая, нейтральная** по отношению и к бемольности согласного, и к диезности гласного: $V^\circ + \cdot D = V^\circ + (-^\circ V) = '(\emptyset''\emptyset)$ ¹¹ (обе квазифонемы – и согласная, и гласная – нули). Не забудем, что акустическая **нейтральность согласного** в артикуляционных терминах означает **палатальность** («мягкость»), а акустическая **нейтральность гласного** в артикуляционных терминах означает **безразлично** какой ряд – передний или непредний. Если не забывать, что бемольным в данном объединении был заднеязычный согласный компонент, а диезным – гласный компонент переднего ряда и что это объединение стало нейтральной группой фонемой, то вышеприведенная формула может быть представлена и в таком виде: $C^\circ + \cdot V \rightarrow '(C''V)$.

Когда в раннем периоде существования праславянского языка начал действовать фонетический закон **внутригруппофонемного сингармонизма** и рядом оказывались заднеязычный (бемольный) согласный и переднерядный (диезный) гласный, то их сочетание противоречило требованию закона, и это было слишком большое синтагматическое противоречие. (Слишком большого парадигматического противоречия в это время не было.) Это противоречие и было разрешено 1-й **переходной палатацией** заднеязычных согласных, в результате которой возникли нейтральные (палатальные) среднеязычные шипящие: **krikīhī* (из **krikīstī*) → **k '(r'ṭ) '(č''ṭ) '(š''ṭ)*¹². В принципе здесь могла бы осуществиться и непеременная палатация, но обязательно палатация, а не что-либо иное (не палатализация, например). Тот факт, что в это время произошел процесс не непеременной, а переходной палатации можно объяснить тем, что никаких непеременных палатальных, на которые можно было бы ориентироваться, еще не было, а резкое взаимодействие бемольных заднеязычных согласных и диезных переднерядных гласных, т.е. резкое движение языка (как органа речи) от заднего положения к переднему положению и возникновение преграды в районе высшей точки твердого неба (палатума) вызвало фрикацию (трение, и к тому же сильное) и как ее результат шипящий призвук, который превратился в полноценный шипящий звук. Важно отметить, что **почти сразу** после первой переходной палатации звук [ē], который вызвал переходную палатацию заднеязычных, после получившегося палатального шипящего перешел в [ā]. Тем самым новые палатальные шипящие **фонемизировались**, т.е. получили относительную самостоятельность. Мы говорим об относительной, а не о полной фонемной самостоятельности потому, что все эти новые палатальные шипящие вошли в группо-

¹¹ Несмотря на то, что буквы **B** и **D** уже сами по себе хорошо обозначают соответственно бемольность и диезность, а знак \emptyset не менее хорошо обозначают нуль (или нейтральность), мы для **еще большей наглядности** вместе с этими знаками дополнительно используем и специальные диакритические знаки, обозначающие указанные тональности. При этом при букве, обозначающей согласную фонему (или квазифонему), диакритический знак ставится справа от этой буквы, а при букве, обозначающей гласную фонему (или квазифонему), диакритический знак ставится слева от этой буквы.

¹² Нередко говорят, что 1-я переходная палатация возникла благодаря действию закона внутрислогового сингармонизма (см., например [Ремнёва 2004: 148]), но это явная неточность. Достаточно проанализировать любое слово типа **kěndā* (из более раннего **kěndō*), которое после процесса 1-й переходной палатации приобрело вид **'(č''ē)n (dā)*. Легко увидеть, что в первый слог этого слова входило **до процесса** три звука [k], [ē] и [n] и осталось **после процесса** также три звука. Однако в процессе приняли участие лишь два первых звука, которые приобрели единую – в данном случае нейтральную – тональность, и, таким образом, сочетание этих звуков стало явно сингармоничным. Последний же, третий, звук [n] не просто остался в том же слоге, но и остался со своей прежней недиезной тональностью и, таким образом, оказался явно несингармоничным по отношению к своим первым двум соседям. Ясно, что внутрислоговой сингармонизм был здесь ни при чем. Еще в 1958 году румынский ученый Э. Петрович [Петрович 1958] назвал его групповым. Но после открытия В.К. Журавлевым группой фонемы его уместней называть **внутригруппофонемным**.

фонемы и стали не настоящими, а условными фонемами, для которых Д.Д. Беляевым [Беляев 1980: 14] придуман особый термин «квазифонемы».

О том, что, сочетаясь с гласными переднего ряда, заднеязычные согласные превратились именно в палатальные («мягкие») шипящие согласные, пишут почти все, кто рассматривал этот процесс, – независимо от того, использует ли исследователь теорию группофонем или нет¹³. Однако если те, кто теорию группофонем не использует, тезис о мягкости новых шипящих согласных никогда не доказывают, то те, кто использует теорию группофонем, могут этот тезис и доказать. Эти доказательства можно свести к трем моментам:

1) в указанном сочетании заднеязычных согласных и гласных переднего ряда разрешалось прежде всего синтагматическое противоречие соединения прямопротивоположных по тональности бемольного согласного и диэзного гласного, что должно было дать именно нуль, т. е. нейтральность-палатальность;

2) конечные результаты этой палатации вели себя так, как вел себя абсолютно палатальный [j'], в частности, после шипящих согласных, получившихся по 1-й переходной палатации заднеязычных согласных, звук [ǣ], как и после [j'], переходил в [ā]: *krīkētēi → в конечном итоге *k'(r''t) '(č''ā) '(t''ē)i, как и *stāj'ētēi → *s(tā) '(j''ā) '(t''ē)i; если даже допустить, что в начальной стадии этого процесса шипящие согласные, в которые перешли заднеязычные согласные, были, как предположила Г.И. Климовская, не палатальными, а палатализованными, то в конечной стадии этого процесса, а именно после перехода после таких шипящих гласного [ǣ] в гласный [ā] эти шипящие уже безусловно стали палатальными, потому что сама возможность употребляться и перед гласными переднего ряда, и перед гласными непереднего ряда является специальным, можно сказать, классическим показателем именно палатальности согласного (*крич'ит* – *крич'ат*), в то время как классическим показателем палатализованности согласного является его употребление только перед гласными переднего ряда, а классическим показателем непалатализованности согласного является его употребление только перед гласными непереднего ряда;

3) на следующем этапе развития праславянского языка заднеязычные согласные в позиции перед абсолютно палатальным [j'] превратятся в палатальные шипящие: *(tā) nk'(j''ā) → *(tā)n'(č''ā) 'туча'. Вполне правдоподобно предположить, что те шипящие, которые произошли из тех же заднеязычных по 1-й переходной палатации, были такими же палатальными («мягкими»).

В связи со сказанным следует заметить, что писать о 1-й переходной палатации как о 1-й переходной палатализации уже некорректно, так как, во-первых, это явно разные процессы, а во-вторых, различие этих процессов было открыто более 50 лет тому назад и сегодня должно быть известно уже всем.

На 1-м этапе среднего периода началась генерализация группофонем (распространение группофонем на все пространство каждого слова) и вместе с нею начал действовать фонетический закон строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем внутри сложной группофонемы, а именно такой закон, который требовал, чтобы структура сложной группофонемы была следующей: (C_шC_сS V̄), т. е. чтобы компоненты внутри группофонемы шли в таком порядке: согласная щелинная, согласная смычная, сонорная, слоговая гласная квазифонемы. (Эта формула включает в себя все возможные компоненты, но вообще группофонемы могли включать в себя и не все возможные компоненты. Главное требование закона заключалось в том, чтобы компоненты сложной группофонемы шли именно в таком порядке, а будут ли в ней все четыре компонента или три с пропуском какого-либо одного из них, – кроме, конечно, гласного компонента, – было неважно.) Пожалуй, наиболее ярким примером того, как действовал этот закон, является такой: *(m''ē)t '(t''ē)i →

¹³ Впрочем, в учебном пособии Г.И. Климовской [Климовская 1974], как уже было отмечено, утверждается, что шипящие согласные, получившиеся по рассматриваемому процессу из заднеязычных согласных, были полумягкими.

→ *'(m'ē) (s't'ē)j 'месті'. Мы хорошо видим, как смычная недиезная согласная фонема <t>, входя в последующую диезную группофонеми и делая ее сложной, заменяется своим и диезным, и щелинным опозитом “<s'>”¹⁴ и как, таким образом, требование указанного закона полностью выполняется. В соответствии с требованием этого закона **заднеязычная** согласная фонема, стоявшая перед диезной группофонемой, начинавшейся с **диезного же сонорного** компонента, должна была войти в эту группофонеми. Так как заднеязычная согласная фонема была бемольной, то, входя в прямопротивоположную по тональности диезную группофонеми, она могла бы превратиться в нейтральную (палатальную) шипящую квазифонеми, которая и всю группофонеми сделала бы нейтральной. Но этого не произошло. Почему? Можно предположить, что, несмотря на появившиеся в ранний период развития праславянского языка по 1-й переходной палатации две палатальные шипящие аффрикаты “<ž'>” и “<č'>” из трех палатальных шипящих вообще (“<ž'>”, “<č'>”, “<š'>”), аффрикаты воспринимались праславянами как не совсем типичные для их языка квазифонемы, и, видимо, не случайно тогда же в ранний период произошел процесс “<ž'>” → “<ž'>”, т.е. переход одной из аффрикат в щелинную квазифонеми (переход же “<č'>” → “<š'>” не произошел из-за того, что клетка для “<š'>” уже была занята квазифонемой “<š'>” как рефлексом 1-й переходной палатации заднеязычной фонемы <h>). На 1-м же этапе среднего периода формула закона строгой (или, по крайней мере, предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем внутри сложной группофонемы, а именно $C_{\text{ш}}C_{\text{с}}S\check{V}$, препятствовала появлению новых аффрикат, ибо аффриката, будучи слитным сочетанием смычности и вслед за ней щелинности, могла бы нарушать эту формулу, превращая ее в $C_{\text{с}}C_{\text{ш}}S\check{V}$. Возможно, поэтому заднеязычные согласные, входя в стоявшие после них в словах диезные группофонемы, начинавшиеся сонорным компонентом, и не изменились в палатальные шипящие. Но так как в это время начался глобальный процесс генерализации группофонем и, в частности, процесс втягивания отдельных согласных, стоявших в словах перед группофонемами, в эти группофонемы, то заднеязычные не могли не войти в указанные группофонемы, а коль скоро формула мешала заднеязычным изменяться в палатальные шипящие, то они должны были, по меньшей мере, принять тональность группофонемы, ибо сама суть группофонемы состоит в единой тональности всех ее компонентов. Так как группофонемы, в которые входили заднеязычные, в данном случае имели диезную тональность, то заднеязычным ничего не оставалось как принять именно эту диезную тональность. А так как все другие типы фонем, входивших в диезные группофонемы, становились диезными **непереходно**, т.е. без изменения качества соответствующего звука (*b → *b', *d → *d' и т.п.), то и заднеязычные стали диезными **непереходно**, т.е. без изменения заднеязычного качества звука (*g → *g' и т.п.). Как бы ни звучал заднеязычный, который оказался в группофонеме перед диезным (палатализованным) сонорным, лингвистически (фонематически) он стал также диезным, ибо в противном случае (т.е. если бы он остался недиезным, непалатализованным, «твердым») он нарушил бы требования продолжавшего действовать закона внутригруппофонемного сингармонизма (как, кстати, и более позднего закона внутрислогового сингармонизма). Следовательно, в первой группофонеме слов типа *g '(l'ī)(nā) → *'(g'l'ī)(nā), *k '(l'ē)(nās) → *'(k'l'ē)(nās), *h '(r'ī) '(b'ī)(tās) → *'(h'r'ī) '(b'ī)(tās) произошла **1-я непереходная палатализация**. Каждый исследователь, который выступит против того, что она произошла, должен выступить и против закона внутригруппофонемного (а позже и внутрислогового) сингармонизма. А это сделать нелегко не только из-за того, что под знаком тонального сингармонизма (сначала в составе групп CV, позже в составе групп CCSV) вся история фонематической системы праславянского языка изучалась более 100 лет, но и из-за того, что останутся без какого-либо объяснения переходы типа h → š' и h → s'. А между тем теория тональных сингармонизмов все эти годы работает, и работает она успешно. Единственное, что здесь необходимо, так это четко разгра-

¹⁴ Этими кавычками мы подчеркиваем, что статус фонемы изменился, а именно: она превратилась в квазифонеми как компонент группофонемы.

ничивать сингармонизм внутригруппофонемный и сингармонизм внутрислоговой, что в науке было сделано впервые еще 50 лет тому назад (имеем в виду уже упомянутую работу Э. Петровича [Петрович 1958]).

На 3-м этапе среднего периода существования праславянского языка, а именно после того, как действовавший на предыдущем этапе фонетический закон открытых слогов монофтонгизировал дифтонги и в том числе дифтонги āi и āi , превратив эти последние в I_2 , заднеязычные согласные, которые когда-то стояли в словах перед указанными дифтонгами, оказались перед этим I_2 , и опять возникло серьезное синтагматическое противоречие соседства заднеязычного согласного перед переднерядным гласным (пусть и дифтонгического, а не монофтонгического происхождения, но, главное состояло в том, что тональность его была дизонной), тем более что на этом 3-м этапе среднего периода – после того, как на предыдущем этапе благодаря закону открытых слогов все закрытые слоги открылись и группофонемы по протяженности совпали со слогами (или, наоборот, все слоги совпали с группофонемами), – закон внутригруппофонемного сингармонизма преобразовался в закон внутрислогового сингармонизма, и, таким образом, сингармонизм внутри слога должен был сохраняться.

В некоторых говорах праславянского языка (в частности, в тех говорах западного диалекта, из которых много позже возникнут чешский и польский языки) разрешение этого противоречия пошло по тому же пути, по которому оно шло в раннем периоде существования праславянского языка, когда в подобных условиях прошла 1-я переходная палатация заднеязычных. В этих говорах теперь прошла 2-я переходная палатация заднеязычных, например: $*\underline{h}^{\circ}\text{I}_2(\text{r}\check{\text{a}})$ /из $*(\underline{h}\check{\text{a}})\text{i}(\text{r}\check{\text{a}})\text{s}/ \rightarrow *'(\check{\text{š}}^{\circ}\text{I}_2)(\text{r}\check{\text{a}})$, ср. будущее чешское $\check{\text{šer}}\acute{\text{y}}$ 'полутемный', польское szary 'серый'.

Но верно ли, что здесь прошла именно палатация, т.е. что были порождены именно палатальные (нейтральные, «мягкие») шипящие? Ведь эти шипящие появились только перед переднерядным гласным [I_2], а палатальные согласные в принципе могут употребляться и перед переднерядными, и перед непереднерядными гласными (польское szary явно поздняя, уже собственно польская, а не праславянская форма). Не получились ли здесь не палатальные, а палатализованные (дизонные, «полумягкие») шипящие звуки?

Думается, что здесь получились все-таки палатальные шипящие. Почему?

Прежде всего потому, что в праславянском языке уже были шипящие и они были палатальные. Палатализованных шипящих в этом языке не было. Значит, языку проще всего было ориентироваться на уже имеющиеся палатальные, чем породить новые отсутствующие звуки (разумеется, ориентироваться пришлось не языку, а людям – носителям языка, но, вообще говоря, такое олицетворение здесь вполне допустимо, ибо язык своей системой, конечно, влиял на сознание, а точнее, на подсознание говорящих). Если бы здесь возникли палатализованные шипящие, то для их нормального и долгого существования им нужно было бы фонемизироваться, т.е. начать употребляться не только перед переднерядным, но и хотя бы перед одним непереднерядным гласным. Но [I_2] в непередний ряд не переходил. А если бы он даже перешел в непередний ряд и фонемизировал палатализованные шипящие звуки, то возникла бы довольно тяжелая ситуация. Дело в том, что палатализованные звуки, будучи функционально, иначе, фонематически, весьма отличными от палатальных (палатализованные выступают вариантами непалатализованных (недизонных, «твердых») фонем), акустически и артикуляционно, иначе, фонетически, весьма близки к палатальным, похожи на них [Колесов 1980: 88] и поэтому имеют тенденцию к смешению с ними. Но фонетическое смешение палатализованных с палатальными волей-неволей вело бы и к фонематическому их смешению, а это уже создавало бы помехи в общении. Смешение же [$\check{\text{š}}^{\circ}_2$] и [$\check{\text{š}}^{\circ}_1$] помех в общении создавать не могло, потому что эти разные по происхождению, но одинаковые по качеству звуки должны были бы принадлежать одной и той же фонеме (или – в данном случае – квазифонеме). Как принадлежащим одной фонеме (или квазифонеме) им и не надо было различаться. Таким образом, рассматриваемый процесс действительно был палатацией, который породил шипящие именно палатальные (нейтральные, «мягкие»), такие же, какие уже были в языке. А так как эта палатация была уже второй

после первой, осуществившейся в ранний праславянский период, то мы ее и называем **2-й переходной палатацией** заднеязычных.

Однако такой процесс даже в указанных говорах западного диалекта прошел не стопроцентно. В южном и восточном диалектах праславянского языка, частично и в западном диалекте (даже в названных же говорах), разрешение этого противоречия пошло иначе: именно тональности компонентов не погасили друг друга, дизный гласный компонент повлиял на заднеязычный согласный компонент таким образом, что превратил его в дизный же, а вместе с этим и всю группофону сделал дизной, т. е. здесь произошла не палатация, а **палатализация**. При этом в бóльшей части говоров палатализация заднеязычных произошла **переходная** – дизные рефлекс заднеязычных согласных были образованы с ориентацией на существовавший нейтральный шипящий ряд, но только сейчас появились не шипящие, а свистящие звуки: $g \rightarrow z'$ с позднейшим переходом $z' \rightarrow z$, $k \rightarrow c'$, $h \rightarrow s'$, и она была **1-й переходной палатализацией** заднеязычных¹⁵. А в меньшей части говоров, в частности, в некоторых северо-западных говорах восточного диалекта праславянского языка, палатализация заднеязычных прошла **непереходная** – дизные рефлекс заднеязычных были образованы с ориентацией на существовавший бемольный нешипящий ряд: $g \rightarrow g'$, $k \rightarrow k'$, $h \rightarrow h'$, и она была **2-й непереходной палатализацией** заднеязычных.

Прежде чем объяснять причину этих двух – переходной и непереходной – палатализаций, нужно обратить внимание и на такие примеры, как **(gwǎ)ǐ(zdǎ)* ‘звезда’ и **(kwǎ)ǐ(tǎ)s* ‘цвет’. После действия закона открытых слогов и вызванных им монофтонгизаций дифтонгов звукосочетания **gw* и **kw* с согласными заднеязычными (фонетически – бемольными, а фонематически – недизными) оказались перед гласным переднего ряда (и фонетически, и фонематически – дизным) I_2 , т. е. I дифтонгического происхождения. Соответствующие группофонемы, естественно, разрушились, потому что (напомним) группофонема – это объединение согласного и гласного компонентов, **одинаковых** по тональности. Однако тенденция к генерализации группофонем действовать продолжала. Поэтому в сочетаниях **gw + I₂* и **kw + I₂* при объединении консонантных элементов с вокальным в группофону обязательно должны были произойти какие-то изменения. В этих сочетаниях главную роль сыграл дизный вокальный элемент, а потому в них произошли такие изменения, в результате которых получились **дизные группофонемы**.

Естественно, что в этих группофонах консонантные элементы стали такими же дизными, как и вокальный элемент, но в разных диалектах праславянского языка рефлекс бывшего недизного заднеязычного консонантного элемента оказался неодинаковым: в южных и восточных диалектах он стал дизным, палатализованным переднеязычным свистящим, а в западном – дизным же, палатализованным же, но не переднеязычным свистящим, а заднеязычным же.

$*(gwǎ)ǐ(zdǎ) \rightarrow gw\bar{i}_2(zdǎ) \rightarrow$		юг и восток $*(d'z'w'I_2)(zdǎ)$, ср. ст.-сл. <i>svĕzda</i> , др.-русс. <i>svĕzda</i> .
		запад $*(g'w'I_2)(zdǎ)$, ср. польск. <i>gwiazda</i> , чешск. <i>gvězda</i> .
$*(kwǎ)ǐ(tǎ)s \rightarrow kw\bar{i}_2(tǎ) \rightarrow$		юг и восток $*(c'w'I_2)(tǎ)$, ср. ст.-сл. <i>cvĕtĕ</i> , др.-русс. <i>cvĕtĕ</i> .
		запад $*(k'w'I_2)(tǎ)$, ср. польск. <i>kwiat</i> , чешск. <i>květ</i> .

¹⁵ О том, что этот процесс дал именно палатализованные, а не палатальные свистящие рефлекс, пишет, опираясь на А. Лескина, Р. Нахтигала, Н. Ван-Вейка, С.Б. Бернштейн [Бернштейн 1961: 200–204], но объяснения, почему в данном случае возникли именно палатализованные («полумягкие») свистящие, практически не дает.

Нетрудно увидеть, что в первом случае перед нами результаты **1-й переходной** палатализации, а во втором случае перед нами результаты **2-й непереходной** палатализации недиезных заднеязычных.

Необходимо отметить, что бывшие группофонемы типа $'(c' \cdot I_2)$ и $'(c'w' \cdot I_2)$, с одной стороны, и $'(k' \cdot I_2)$ и $'(k'w' \cdot I_2)$, с другой стороны, вовсе не зеркально отражаются в современных славянских языках. Но это реалистичнее всего можно объяснить поздними заимствованиями из языка в язык. Так, украинское *квітка* по сравнению с русским *цветок* – скорее всего позднее заимствование из западнославянских. Аналогично это объясняет С.Б. Бернштейн, с которым мы в данном вопросе полностью солидаризируемся.

Почему же произошли эти палатализации? Здесь сыграло свою роль то, что в фонематической подсистеме праславянских согласных в это время (на 3-м этапе среднего периода) было и серьезное **парадигматическое** противоречие. Оно заключалось в том, что если губные и переднеязычные согласные квазифонемы (компоненты группофонем) имели в группофонемах **по три** соотносительных тональных представителя, например: $[b] - [b'] - [b'l']$, $[z] - [z'] - [z'']$ и т.п. $/*(l' \cdot \bar{e})u(b'y) - *(l' \cdot \bar{e})u(b' \cdot \bar{t}) (t' \cdot \bar{e})i - *(l' \cdot \bar{e})u(b'l' \cdot \bar{a})n, *(w' \cdot \bar{e})(z \cdot \bar{a})n - *(w \cdot \bar{a}) (z' \cdot \bar{t}) (t' \cdot \bar{e})i - *(w \cdot \bar{a}) (z'' \cdot \bar{a})n/$, то заднеязычные согласные квазифонемы имели в группофонемах **только по два** соотносительных тональных представителя, например: $[g] - [-] - [z']$ $/*(b' \cdot \bar{e})(g \cdot \bar{a})$ (им. пад. ед. ч.) $- [-] - *(b' \cdot \bar{e})(z'' \cdot \bar{a}) (t' \cdot \bar{e})i/$, иначе говоря, у заднеязычных согласных квазифонем **соотносительного** диезного представителя не было: в словах типа $*(g \cdot r' \cdot \bar{t}) (m' \cdot \bar{e}) (t' \cdot \bar{e})i$ квазифонема « g' » была **несоотносительной**, не чередующейся со своими «родственниками». Таким образом, палатализации заднеязычных позволили заполнить пустую диезную нишу и тем самым устранили парадигматическое противоречие. Но почему именно парадигматическое? И как обстояло дело с противоречием синтагматическим? Ответ на эти вопросы таков. Если бы в первую очередь устранялось синтагматическое противоречие, то парадигматическое противоречие при этом осталось бы и даже усилилось бы, ибо при продолжающемся отсутствии диезного варианта у квазифонем, возглавляемых заднеязычным **фонетически бемольным**, а **фонематически недиезным** вариантом, на месте нейтрального (палатального) варианта появилась бы не одна, как во всех других случаях, квазифонема, а две, например: $[g] - [-] - [z']/[z'']$. При устранении же в первую очередь парадигматического противоречия заодно устранилось и синтагматическое противоречие, т.е. получилось: $[g] - [z'] - [z'']$. Само же заполнение диезной ниши, т.е. осуществление палатализаций, а не палатаций было вызвано сильным **давлением системы**, которое заставило заполнить именно диезную пустую клетку, а не какую-либо иную.

Но какие аргументы могут подтвердить, что в этих случаях произошли именно палатализации, а не палатации и что рефлексам этих палатализаций явились именно палатализованные (диезные, «полумягкие») звуки?

Собственно говоря, указание на давление системы как на главное, что дало при палатализациях – и переходной, и непереходной – палатализованные, диезные («полумягкие») результаты, является достаточным обоснованием именно диезности этих результатов. Но в связи с тем, что вокруг тональных результатов **1-й переходной палатализации**, которую из-за смешения палатаций и палатализаций чаще всего называют неточно 2-й палатализацией, ведутся споры, целесообразно привести и дополнительные аргументы в пользу того, что эта палатализация (как, впрочем, и все другие палатализации) дала, как здесь показано не какие-либо другие, а именно палатализованные, диезные («полумягкие») результаты, в данном случае – свистящие. Этими аргументами может быть следующее:

1. Все другие согласные, кроме заднеязычных, оказавшиеся перед переднерядными гласными монофтонгами, возникшими из дифтонгов $\bar{a}i$ и $\bar{a}i'$, становились только **палатализованными, диезными**, например: $*(pl \cdot \bar{a})(d \cdot \bar{a})\bar{a}i \rightarrow *(pl \cdot \bar{a}) (d' \cdot \bar{t}_2)$ /будущее древнерусское *плод*·ѣ/. Почему же свистящим рефлексам заднеязычных, оказавшимся в той же позиции, становиться не палатализованными, как $[d']$ в предыдущем примере,

а палатальными? Ср. с предыдущим примером: $*(stǎ)(gǎ)ǎi \rightarrow *(stǎ) \cdot (z' \cdot I_2)$ /будущее древнерусское $стос \cdot \text{ѣ}/$.

2. Указанные рефлексы рассматриваемой 1-й переходной палатализации заднеязычных появились перед гласными переднего ряда, которые после этого процесса не переходили в непередний ряд (как это было в одном случае после 1-й переходной палатации заднеязычных, когда после палатальных шипящих переднерядный гласный [ǣ] перешел в непереднерядный [ǣ̃]), а значит, эти рефлексы и в дальнейшем оставались в позиции только перед гласными диззными, т.е. перед гласными переднего ряда. Следовательно, при любой степени «смягченности» этих рефлексов в устах носителей праславянского языка в это время названные рефлексы лингвистически (фонематически) могли быть только палатализованными, диззными, ибо самой сутью палатальности, нейтральности согласных является то, что палатальные, нейтральные согласные, в отличие от палатализованных, диззных, в принципе могут употребляться как перед переднерядными, так и перед непереднерядными гласными.

3. Можно использовать доказательство и от противного. Если допустить, что диззная ниша для заднеязычных осталась пустой, а получившиеся по рассматриваемой 1-й переходной палатализации заднеязычных свистящие переднеязычные рефлексы оказались не диззными (не палатализованными, не «полумяжкими»), а нейтральными (палатальными, «мягкими»), то возникает естественный вопрос, почему язык оставил два противоречия (недобор в нише диззных и перебор в нише нейтральных). Кроме того, именно потому, что любые противоречия в языке не остаются в нем навсегда, а рано или поздно устраняются, нужно было бы ожидать, что среди многочисленных нейтральных (палатальных, «мягких») рефлексов рассматриваемой 1-й палатализации заднеязычных начались бы конвергенции (слияния) типа $\check{s}' \times s' \rightarrow \check{s}'$ или $\check{s}' \times s' \rightarrow s'$, но скорее всего в пользу палатальных шипящих как более древних и уже давно фонемизировавшихся, однако это в дальнейшей истории праславянского языка и его потомков не наблюдается.

4. Наконец, тот факт, что до монофтонгизации дифтонгов $ǎi$ и $ǎi$ заднеязычные согласные, стоявшие в словах перед этими дифтонгами, входили не в какие-либо иные, а в недиззные группофонемы и, следовательно, фонематически были тоже недиззными, возможно, тоже сыграл определенную роль в том, что при объединении таких заднеязычных согласных с диззным гласным I_2 доминировать в этом объединении стал именно диззный гласный компонент. Вспомним, что если расстояние между тональностями согласного и гласного компонентов было равно одному шагу, то доминирующую роль в этом объединении играл гласный, т.е. именно его тональность побеждала тональность согласного и организовывала тональность всей группофонемы. (В тех же говорах, где в подобных случаях возникали не диззные, а нейтральные группофонемы, на первый план вышла, очевидно, не фонематическая (недиззная), а фонетическая (бемольная) тональность заднеязычных. Впрочем, фонетическая тональность сыграла бóльшую роль все же ограниченно: не случайно исследователи дружно указывают на сочетание $\check{s}' I_2$, но не указывают на сочетания $\check{z}' I_2$ и $\check{c}' I_2$).

После 1-й переходной палатализации заднеязычных все три ниши, как и у других согласных, получают заполненными: $g : z' : \check{z}'$; $k : c' : \check{c}'$; $h : s' : \check{s}'$. Заметим, что в этом случае из трех получившихся палатализованных (диззных, «полумяжких») свистящих звуков оказалось две аффрикаты, хотя, правда, одна из них, как и ее предшественница \check{z}' , постепенно изменилась в щелинную ($z' \rightarrow z'$). Это означает только то, что закон строгой (или предпочтительной) последовательности компонентов-квазифонем внутри сложной группофонемы, который действовал на 1-м этапе среднего периода, на 3-м этапе среднего периода, довольно сильно сдал свои позиции, уступив их фонетическому закону внутрислогового сингармонизма.

Вообще основной позицией, в которой произошла 1-я переходная палатализация заднеязычных, была позиция заднеязычного перед диззным, переднерядным гласным дифтонгического происхождения. Но процесс этот прошел настолько мощно, что захватил и ряд заимствований, в которых заднеязычный стоял перед диззным, передне-

рядным гласным и недифтонгического происхождения, например, на базе германского *kirkō* у славян образовалось слово **църкы** 'церковь'.

Те же самые доказательства достаточны и для объяснения тональности рефлексов **2-й непереходной палатализации**. Ведь в конечном итоге важно было заполнить пустую для группы заднеязычных **диезную** нишу, а какими именно диезными звуками – свистящими переднеязычными или несвистящими заднеязычными – было не так уж и важно. Главное заключалось лишь в том, что система ожидала **диезного** (палатализованного, «полумягкого») представителя заднеязычных, а не какого-либо иного.

Но есть один момент, который заставляет на 2-й непереходной палатализации заднеязычных и на диезных заднеязычных результатах ее остановиться несколько дольше и подробнее.

Дело в том, что встречаются высказывания о том, что в словах типа древненовгородского *кѣвь* 'шпулька' так называемая 2-я палатализация не произошла, но затем ничего не говорится о том, а произошла ли в таких словах какая-нибудь другая палатализация, и читатель соответствующих работ легко может подумать, что в подобных словах вообще никакая палатализация не проходила. Вот несколько соответствующих цитат: «Исследования последнего времени показали, что II палатализация не была пережита северо-западными русскими говорами... об этом свидетельствуют данные новгородских берестяных грамот XI–XIV вв. и современных псковских говоров, сохранивших эту архаическую систему: ср. древненовгор. *кѣль* – рус. *целый*» [Шевелева 1990: 36], «...данные, извлеченные из новгородских грамот, явно свидетельствуют о том, что вторая палатализация в древненовгородском диалекте отсутствовала: в некнижных словах до середины XIII в. нет ни одного примера с эффектом второй палатализации внутри корня. Нет в некнижных текстах и отражения результатов палатализации на стыке основы и окончания: *къ Лоукѣ, мोगи, сапоги* и под.» [Ремнёва 2004: 151]. При этом процитированные авторы ссылаются на работы А.А. Зализняка, который в обобщающей работе по древненовгородскому диалекту, в частности, написал: «В севернокривичском диалекте не осуществилась так наз. вторая палатализация заднеязычных, точнее **k*, **g*, **x* в позиции перед *ě* и *i* лишь смягчились (т.е. дали [*k'*], [*g'*], [*x'*]), но не перешли в свистящие» [Зализняк 1995: 37]. Но в этом последнем высказывании начальная и конечная его части в каком-то смысле противоречат друг другу: ведь если палатализация заднеязычных не произошла, то никакого смягчения этих согласных быть не может, а если какое-то смягчение заднеязычных согласных произошло, то какая-то палатализация их тоже произошла. А раз, по Зализняку же, заднеязычные смягчились, то остается только точнее охарактеризовать эту палатализацию. Конечно же, правильным в этом случае было бы такое высказывание: «В севернокривичском диалекте **переходной** палатализации заднеязычных согласных не произошло, а произошла **непереходная** палатализация их». А вот то, что смягчение заднеязычных по непереходной палатализации дошло до степени абсолютной палатальности, «мягкости», сомнительно. И дело здесь не только и не столько в том, что мы сегодня не можем с полной уверенностью говорить, до какой степени доходило реальное смягчение заднеязычных звуков перед гласными переднего ряда в устах древних восточных праславян, сколько в том, что, находясь только перед гласными переднего ряда, смягченные заднеязычные звуки оставались аллофонами «**твердых**» заднеязычных квазифонем, а не становились аллофонами «**мягких**» заднеязычных квазифонем. Вот и получается, что с фонематической точки зрения заднеязычные звуки в указанной позиции были только палатализованными, «полумягкими», диезными, и их точнее показывать в виде [*k'*], [*g'*], [*x'*]¹⁶. Не замечать

¹⁶ Любопытно заметить, что, говоря о древненовгородских и древнепсковских рефлексах этой 2-й непереходной палатализации заднеязычных, Ю.С. Кудрявцев обозначает их знаками *ġ*, *ĳ*, *ĥ*, но помещает древненовгородские звуки в один ряд с *б'*, *п'*, *в'*, *м'* и т. д., а аналогичные древнепсковские звуки в один ряд с *б''*, *п''*, *в''*, *м''* и т. д. [Кудрявцев 1996: 50–51]. Вполне очевидно, что различие в звучании древненовгородских и древнепсковских рефлексов 2-й непереходной палатализации – явление гораздо более позднее, чем первоначальные рефлексы праславянские, о которых у нас идет речь.

же совсем этой непереходной палатализации нельзя, ибо если так поступать, то это будет означать фактически выступление против фонетического закона внутрислогового сингармонизма, который как раз на 3-м этапе среднего периода, во-первых, начал действовать, а во-вторых, действовал очень активно.

Все три процесса, которые сейчас были рассмотрены, произошли примерно в одно и то же время – на 3-м этапе среднего периода. Собственно говоря, язык предоставил людям – носителям праславянского языка – разные возможности видоизменения заднеязычных, оказавшихся перед новым (дифтонгическим) дизонным гласным [I₂], и все они были испробованы, но, как всегда бывает в подобных случаях, в разных группах говоров были выбраны и, следовательно, победили, разные возможности:

$$\begin{array}{l}
 (\text{h}\check{\text{a}})\text{i} \rightarrow \text{h}^\circ + \check{\text{i}}_2 \rightarrow \begin{cases} \text{'(}\check{\text{s}}\check{\text{i}}_2\text{)} & \text{(2-я переходная палатация),} \\ \text{'(}\check{\text{s}}\check{\text{i}}_2\text{)} & \text{(1-я переходная палатализация),} \\ \text{'(}\check{\text{h}}\check{\text{i}}_2\text{)} & \text{(2-я непереходная палатализация).} \end{cases}
 \end{array}$$

Смешивать все это и называть одним термином «2-я палатализация» явно некорректно, потому что, как мы видим, все это представляет собой весьма разные явления.

На 3-м же этапе среднего периода, а следовательно, после монофтонгизации дифтонгов, произошла и непереходная палатация заднеязычных, первая и она же единственная в праславянском языке. До монофтонгизации дифтонгов в словах типа *'(k'l'ē)ǫ(kā) фонема <k>, которая раньше стояла перед дизонной группой фонемой *'(l'ē), еще на 1-м этапе среднего периода вошла в эту дизонную группой фонему и стала непереходно дизонной же квазифонемой. Когда же произошла монофтонгизация дифтонгов и, в частности, дифтонгов ēǫ и ёǫ, то дизонная консонантная группа компонентов k'l' оказалась перед бемольным вокальным монофтонгом °ū₂. Дизонность и бемольность, как уже говорилось, – это такие тональные признаки, которые являются прямопротивоположными: D = -B, B = -D. Сложение прямопротивоположных величин естественным образом давало нулевую, нейтральную группой фонему: D' + °B → D' + (-'D) → '(Ø''Ø), т. е. и дизонная консонантная группа компонентов, и бемольный вокальный компонент становились нулями, иначе, нейтральными и по отношению к дизонности, и по отношению к бемольности компонентами. Для согласных это, как мы уже знаем, палатальность. При этом дизонный (палатализованный) заднеязычный компонент изменялся в нейтральный (палатальный) компонент непереходно. Потому и процесс этот был непереходной палатацией: '(C'S' ṽ₁)°v₂ → C'S' + °v₂ → '(C'S'' ṽ₂), например: *'(k'l'ē)ǫ(kā) → *'(k'l''ū) (kā); *'(k'l'ē)ǫ(nā)n'(t'ē)ǫ → *'(k'l''ū) (nā)'(t'ṽ) 'кlyнyть'¹⁷.

¹⁷ Примеров такого типа зафиксировано гораздо меньше, чем других, но все же они имеются. Более или менее уверенно можно говорить лишь о таких словах, как *кlyкa* и его производное *кlyч* 'отмычка', *кlyнyть* и его производное *кlyн* (например, в сербскохорватском языке *кlyн*), а также *кlyю* (из *'(k'l'ē)ǫ(j''ā)n → *'(k'l''ū) (j''ā) → *кlyюк*). Говоря о старославянском слове *кlyчъ*, С.Б. Бернштейн пишет: «Сонанты [r], [l], [n] (даже мягкие) не оказывали воздействия на задненёбные...» [Бернштейн 1961: 203]. Если считать, что в старославянском языке и в других потомках праславянского закон внутрислогового сингармонизма уже не действовал, то с мнением С.Б. Бернштейна можно бы и согласиться, но если считать, что в потомках праславянского, по крайней мере, периода существования старославянского языка, названный закон действовать продолжал, то с этим мнением согласиться нельзя. Что же касается самого праславянского языка, то в нем названный закон, тем более до распада группой фонем, который произойдет в позднем периоде существования праславянского языка, действовал безусловно. А потому заднеязычный в словах указанного типа независимо от степени фонетической смягченности фонематически безусловно же был нейтральным, палатальным.

Следует отметить, что непереходная палатация заднеязычных звуков, которую можно видеть в слогах *гы*, *кы*, *хы* (→ г'и, к'и, х'и) – см. буквально на одной странице: *Пpииде Олегъ къ Киеву* и *Игорь же съдѣше в Киевѣ* [НІЛСИМИ 2000: 109], – произошла не в праславянском языке, а гораздо позже в языке древнерусском. Что же касается фонемизации палатальных заднеязычных звуков, получившихся в результате этой, уже древнерусской, палатации, то она произойдет еще позже – после процесса *тк'ет* → *тк'от*.

И, наконец, в **позднем периоде** существования праславянского языка группофонемы, – ради устранения тех противоречий, которые накопились уже внутри самих группофонем, – распались, и бывшие компоненты группофонем квазифонемы превратились в настоящие фонемы. Но распределение бывших согласных квазифонем по фонемам произошло следующим образом. Каждая пара соотносительных недиезных и диезных **губных и переднеязычных** квазифонем объединилась в одну фонему, потому что недиезные и диезные губные и переднеязычные звуки употреблялись только в разных позициях: недиезные согласные перед недиезными (непереднерядными) гласными, а диезные согласные перед диезными (переднерядными) гласными. Иными словами, недиезные и диезные губные и переднеязычные согласные звуки оказались только в позициях дополнительного распределения, а не в позиции контраста, где только и проявляется самостоятельный фонемный статус разных звуков, поэтому каждая пара соотносительных звуков из указанных разрядов и объединялась в одну фонему. При этом важно подчеркнуть, что недиезные и диезные варианты **губных и переднеязычных** согласных фонем были **однородными** по месту и способу образования: и [b], и [b'] – губные смычные, и [d], и [d'] – переднеязычные зубные смычные, и [z], и [z'] – переднеязычные зубные щелинные и т.д. В разряде же **заднеязычных** согласных положение было другое. Соотносительные недиезные и диезные квазифонемы, восходящие к заднеязычным, как и соотносительные недиезные и диезные квазифонемы, восходящие к губным и переднеязычным, также употреблялись в разных позициях – соответственно недиезные согласные перед недиезными гласными, а диезные согласные перед диезными гласными, и в связи с этим каждая пара соотносительных недиезных и диезных квазифонем, казалось бы, тоже могла объединиться в одну фонему, но дело в том, что в отличие от губных и переднеязычных недиезные и диезные квазифонемы, восходящие к заднеязычным, были **неоднородными** по месту и способу образования: “<g>” – заднеязычная смычная, а “<z'>” – переднеязычная аффрикативная (если же “<z'>” уже перешла в “<z'>”, то эта “<z'>” была переднеязычной щелинной), аналогично обстояло дело и с парой “<k>” и “<s'>” (но без перехода “<s'>” в “<s'>”); несколько иначе, но опять-таки не так, как с губными и переднеязычными, обстояло дело и с парой “<h>” и “<s'>”: “<h>” – заднеязычная щелинная, а “<s'>” – переднеязычная щелинная. Иными словами, диезные переднеязычные свистящие квазифонемы, восходящие к заднеязычным, весьма сильно отличались от недиезных заднеязычных несвистящих и вполне могли претендовать на статус представителей самостоятельных переднеязычных свистящих фонем. Но для этого им не хватало их **фонемизации**, т. е. помещения их в такую же позицию, в которой находились недиезные заднеязычные. **Вторая переходная палатализация**, называемая также **бодуэновской**, которая произошла после некоторых диезных гласных и диезного [r'] и одновременно перед недиежным [a] /* '(s't'i)(gā) → *s't'iz'ā (обратим внимание на то, что во втором слоге тональный сингармонизм исчез)/, во-первых, проходя не внутри группофонем, а через границы группофонем, смогла разрушить группофонемы и подготовить переход всей фонематической системы от группофонемного состояния к фонемному, а во-вторых, смогла **фонемизировать** диезные переднеязычные свистящие варианты заднеязычных фонем, т. е. сделать эти варианты представителями уже самостоятельных диезных (палатализованных) переднеязычных свистящих фонем, ср.: стүга и стьъ́ а́ зánка изáнц'а.

Впрочем, как известно, **2-я (бодуэновская) переходная палатализация** заднеязычных прошла весьма непоследовательно не только в разных диалектах, но даже и в одном и том же диалекте, ср. русские названия одной и той же ягоды: *голубика* и *голубица*. Кроме того, здесь многое оказалось подверженным действию словообразовательных и грамматических факторов [Беляев 1986].

В связи с тем, что практически все писавшие о 2-й переходной палатализации заднеязычных (называя ее незаконномерно 3-й) считают, что результатом ее были нейтральные, палатальные, «мягкие» свистящие, а мы считаем, что этим результатом были диезные, палатализованные, «полумягкие» свистящие, необходимо привести доводы сторонников палатальности этих свистящих, а затем доводы наши. Для обоснования

своей точки зрения сторонники палатальности рефлексов рассматриваемой палатализации используют, по меньшей мере, следующие два факта:

1) После свистящих, получившихся по 2-й (бодуэновской) переходной палатализации заднеязычных, как когда-то и после палатального согласного [j'], некоторые гласные переднего ряда перешли в гласные переднего ряда, в частности, *o* → *э*, *ь* → *ь*¹⁸, например: **liko* → **lico* → **lice*, **otьkь* → **otьcь* → **otьcь* (эти *o* и *ь* оказались в словоформах, в которых 2-я переходная палатализация заднеязычных осуществилась не в соответствии с фонетической закономерностью, а по аналогии с теми словоформами, в которых 2-я переходная палатализация заднеязычных осуществилась фонетически закономерно, т.е. в которых после заднеязычного шел [a] (из *ā*), например: **liko* → **lica* (им. пад. ед. числа) по аналогии с **lika* → **lica* (род. пад. ед. числа), **otьkь* → **otьcь* (им. пад. ед. числа) по аналогии с **otьka* → **otьca* (род. пад. ед. числа));

2) Имена существительные «твердого» варианта 1-го и 2-го склонений с основой, оканчивающейся на заднеязычный, если только этот заднеязычный подвергся 2-й переходной палатализации, перешли в «мягкий» вариант, и после получившихся свистящих, как и после палатальных согласных, возникших когда-то под воздействием палатального [j'] и оканчивавших собою основу «мягкого» варианта этих склонений, во флексиях стали употребляться гласные, присущие именно «мягкому» варианту, в частности, если в «твердом» варианте употреблялось *ê* (например: словоформа др.-русс. местн. пад. множ. числа *вълцѣхъ*, где *ц* из *к* по 1-й переходной палатализации, и эта словоформа аналогична словоформам *кокоѣхъ*, 'петухах', *плотѣхъ* 'оградах'), то в «мягком» варианте употреблялось *i* (например: словоформа др.-русс. местн. падежа множ. числа *отьцихъ*, где *ц* из *к* по 2-й переходной палатализации, и эта словоформа аналогична словоформам *врачнхъ*, *вълпнхъ*), т.е. после свистящих, получившихся по 2-й переходной палатализации заднеязычных, как бы произошел переход *ê* в *i*.

Несмотря на это обоснование, вывод о том, что рефлексы 2-й переходной палатализации заднеязычных были палатальными, нейтральными, не является единственно возможным и обязательным, ибо имеются не менее серьезные, а, по нашему мнению, более серьезные обоснования в пользу палатализованности, дизности этих рефлексов:

1) Гласные переднего ряда *e* и *ь* употреблялись не только после палатальных, нейтральных согласных, но и после согласных палатализованных, дизных (ср. **m'edь*, **p'ьsь*, **s'elo* и т.п.). Следовательно, почему бы и после не палатальных, а палатализованных свистящих рефлексов 2-й переходной палатализации заднеязычных *z'*, *c'*, *s'* гласным переднего ряда не измениться в гласные переднего ряда, тем более что звуко сочетания *s'ê* и *s'ï* были в праславянской речи и до всяких переходных палатализаций заднеязычных? Более того, гласные переднего ряда, недизные после палатализованных, дизных согласных до 2-й переходной палатализации заднеязычных вообще не употреблялись, в то время как после палатальных, нейтральных употреблялись (ср. праславянское *'(l'ê)цb '(j'ā)n → *'(l'ï) '(b'l'ā₂)), поэтому после палатализованных, дизных свистящих как рефлексов 2-й переходной палатализации заднеязычных гласные переднего ряда **просто обязаны были измениться в гласные переднего ряда;**

2) Один из переходов гласных после рефлексов 2-й переходной палатализации заднеязычных, а именно переход *ê* в *i* (ср. *вълцѣхъ*, но *отьцихъ*) никак не напоминает изменений гласных переднего ряда в гласные переднего ряда после ранних праславянских палатальных – и потому, что такого перехода в ранний и в средний периоды существования праславянского языка не было, и потому, что и *ê*, и *i* – равно передние,

¹⁸ Данная палатализация произошла в праславянском языке и к тому же до передвижки ⟨*ā*⟩ в ⟨*ǫ*⟩ и до потери гласными долготы-краткости как фонематического признака. Поэтому точнее было бы здесь использовать, как это принято для праславянских примеров, такую запись: *ā* → *ǣ*, *ǫ* → *ī*. Однако во всех учебниках приводят показанные здесь более поздние переходы. Для того, чтобы в этом конкретном случае легче было сравнивать изложение догруппофонемных и группофонемной концепций, было решено оставить хотя и неточную, но зато более известную запись.

дизные гласные (об этом еще несколько десятилетий тому назад писал югославский ученый Р. Бошкович [Бошкович 1984: 106]);

3) Что касается перехода имен существительных, в которых произошла 2-я переходная палатализация заднеязычных, из «твердого» варианта склонений в «мягкий» вариант, то нужно иметь в виду и то, что с именами существительными мужского рода мягкого варианта 2-го склонения смешивались имена существительные мужского рода 4-го склонения, где с самого начала основы слов оканчивались в абсолютном большинстве случаев только на палатализованный, дизный, «полумягкий» согласный (например: *гжс ъ, гост ъ, голжб ъ* и т. п., но *мыш ъ*). Нетрудно понять, что все это могло случиться гораздо позже, а именно тогда, когда уже не в праславянском, а в древнерусском языке палатализованные согласные слились с палатальными в пользу палатальных и когда возникла категория палатальности–непалатальности согласных;

4) 2-я переходная палатализация заднеязычных, которая сыграла ту же роль, что и переход [ѣ] в [ā] после 1-й переходной палатализации заднеязычных, т.е. роль процесса, который **фонемизировал** результаты предыдущей 1-й переходной палатализации, должен был бы поддержать именно **палатализованность** этих результатов, т.е. фонемизировать не какие-то другие звуки, а именно [ẓ], [c̣], [ṣ]. Если бы этого не произошло, если бы появились новые звуки (и фонемы) [ḷ], [c̣], [ṣ], то результаты предшествующей палатализации, а именно звуки [ẓ], [c̣], [ṣ], не фонемизировались бы, т.е. не стали бы аллофонами новых палатализованных свистящих фонем <ẓ>, <c̣>, <ṣ>, а остались бы аллофонами заднеязычных фонем <g>, <k>, <h>, как, например, звук [ḍ] оставался аллофоном фонемы <d>. Но появление любых новых звуков в речи без последующей их фонемизации сделало бы эти новые звуки бесполезными с точки зрения смысловозначения в языке и незаметными не только для носителей языка, но и для исследователей этого языка. Все это дает основание оставить первоначальный вывод о том, что рефлекс 2-й переходной палатализации заднеязычных первоначально были **палатализованными, дизными**. К этому нужно добавить, что здесь имеется в виду, конечно, не конкретное звучание рассматриваемых свистящих, потому что степень палатализованности их могла колебаться в значительных пределах (ср. о разных степенях палатализованности у О. Брока [Брок 1910: 24 и сл.], у В.В. Борисенко [Борисенко 1971: 50–51] и особенно у В.Н. Чекмана [Чекман 1979: 49]), а их фонемный статус. И еще здесь учитывается, что в конечном итоге рефлекс 1-й и 2-й переходных палатализаций заднеязычных сольются, а это возможно лишь при одинаковости их тональностей. Между прочим, чтобы показать эту одинаковость, М.Ф. Станивский, который считает, что рефлекс 2-й переходной палатализации заднеязычных первоначально были палатальными, следующий шаг в их развитии видит в изменении этой их палатальности в палатализованность и лишь затем уже слияние **одинаково палатализованных** рефлексов 1-й и 2-й переходных палатализаций заднеязычных [Станівський 1983: 105]. Однако, как мы пытаемся показать, приняв палатализованность, дизность, «полумягкость» рефлексов 2-й переходной палатализации, можно обойтись без этого дополнительного и больше нигде не встречающегося процесса. Кроме того, представляется справедливым следующее утверждение В.В. Борисенко: «...понятие “палатализованные” и “палатальные” в плане фонетическом и в плане фонологическом не совпадают друг с другом. Тип фонемы, ее принадлежность к палатализованным или к палатальным фонемам определяются не столько ее фонетической реализацией, сколько той фонологической системой, в которую она входит. Именно поэтому для определения типа фонемы необходимо в первую очередь установить характер фонологической системы, включающей эту фонему, ибо до такого выяснения, даже если нам известна фонетическая реализация фонемы, мы можем судить только о возможностях фонемы, допустимых этой реализацией, не зная точно, какую из этих возможностей следует предпочесть» [Борисенко 1971: 52–53].

В целом же все семь обнаруженных (реконструированных) процессов, связанных с изменением праславянских заднеязычных согласных под воздействием гласных перед-

него ряда, оказались не случайными. Каждый из этих процессов имеет свою причину, которая, как показывает анализ, может быть и выявлена, и обоснована. В связи с тем, что проанализированные процессы дали разные по тональности результаты и, следовательно, оказались глобально разными, а именно палатациями и палатализациями, мы естественным образом нумеруем их не все по порядку, а палатации отдельно и палатализации отдельно. Но так как и палатации, и палатализации дали разные по качеству рефлексy, а именно переходные и непереходные и, следовательно, оказались в своих собственных составах тоже разными, то и их мы, естественно, нумеруем не все по порядку, а переходные отдельно и непереходные отдельно. Поэтому у нас и выделены две переходных палатации, одна непереходная палатация, две переходных палатализации и две непереходных палатализации.

Поддается объяснению и дальнейшая судьба дизных (палатализованных, «полумягких») фонем ⟨ẓ'⟩, ⟨c̣'⟩, ⟨ṣ'⟩. В этих фонемах с самого начала скрывалось противоречие. Обычная позиция дизных согласных звуков – перед дизными же (переднерядными) гласными. А аллофоны фонем ⟨ẓ'⟩, ⟨c̣'⟩, ⟨ṣ'⟩, восходящих к фонемам (точнее, к квазифонемам) заднеязычным, могли находиться в разных позициях – и перед дизными (переднерядными), и перед недизными (непереднерядными) гласными, например: *овьц̣'и* и *овьц̣'а*. Но ведь это была обычная позиция нейтральных (палатальных, «мягких») согласных фонем. Поэтому можно ожидать, что в дальнейшем эти фонемы могут рано или поздно потерять свою дизность (палатализованность) и перейти в нейтральные (палатальные) или даже в недизные (непалатализованные и непалатальные). В реальной истории древнерусского и русского языков мы наблюдаем и то, и другое, например: в слове *нелъзя* и в слове *польза* мы сегодня видим на одном и том же месте две разные фонемы ⟨ẓ'⟩ и ⟨ẓ⟩, но, как показывает сравнительно-генетический анализ, и та, и другая фонема восходят к одной и той же фонеме ⟨ẓ'⟩, восходящей в свою очередь к ⟨ẓ'⟩, которая опять-таки в свою очередь восходит к ⟨g̣⟩. С.Б. Бернштейн настаивает на том, что слова типа *нелъзя* являются исконно русскими, а слова типа *польза* – заимствованиями из старославянского языка [Бернштейн 1961: 210]. Допустим, что это действительно так. Но это ничего не меняет. Ведь старославянский язык при всей искусственности его образования является таким же наследником праславянского, как и древнерусский язык. Следовательно, противоречивое положение фонем типа ⟨ẓ'⟩ заставляло разные славянские языки так или иначе избавляться от таких противоречивых, а значит, и неустойчивых фонем. Как именно это произойдет в том или ином конкретном потомке праславянского языка – несущественно. Главное состоит в том, что любой язык постоянно стремится избавляться от имеющихся в нем противоречий и что рано или поздно это осуществляется¹⁹. Другое дело, что избавление от того или иного противоречия и, следовательно, то или иное изменение в языке может породить и нередко действительно порождает новое противоречие. Что ж, это новое противоречие также рано или поздно будет устранено. Задача историка языка – выявлять эти противоречия и объяснять как происхождение, так и дальнейший путь любого изменения в языке. Но именно объяснять, т.е. **обосновывать** каждое выдвинутое теоретическое положение.

¹⁹ Заметим, что свистящие результаты и 1-й, и 2-й переходных палатализаций станут в свое время и палатальными, т.е., иначе говоря, подвергнутся палатации, но это случится гораздо позже, уже в древнерусском языке – тогда, когда в нем возникнет категория палатальности – непалатальности. И, между прочим, именно в это время произойдет объединение имен существительных мужского рода двух склонений – 4-го (с древней основой на -ĭ) и «мягкого варианта» 2-го (с древней основой на -ĭ ъ) – в один «мягкий вариант» 2-го склонения. А свистящая фонема ⟨ц̣'⟩ станет в свое время и непалатальной, т.е., иначе говоря, подвергнется полной депалатации, но это случится еще позже, уже в собственно русском языке – тогда, когда такой же депалатации подвергнутся также шипящие фонемы ⟨ж̣'⟩ и ⟨ш̣'⟩.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 1947 – *Р.И. Аванесов*. Из истории русского вокализма. Звуки у и і // Вестник МГУ. 1947. № 1. [Перепечатано в книге: *Р.И. Аванесов*. Русская литературная и диалектна фонетика. М., 1974.]
- Адливанкин 1971 – *С.Ю. Адливанкин*. Краткий очерк истории праславянского языка. Пермь, 1971.
- Алимпиева 1996 – *Р.В. Алимпиева*. Сравнительная грамматика славянских языков. 2-е изд. Калининград, 1996.
- Ахманова 1966 – *О.С. Ахманова*. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Беляев 1980 – *Д.Д. Беляев*. Конвергентно-дивергентные процессы в фонологических изменениях (на материале истории задненебных в праславянском языке): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.
- Беляев 1986 – *Д.Д. Беляев*. Третья палатализация праславянских задненебных: механизм и хронология // ВЯ. 1986. № 2.
- Бернштейн 1961 – *С.Б. Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бордунова 1988 – *Л.И. Бордунова*. Фонетический минимум в самостоятельном изучении лингвистических дисциплин. Куйбышев, 1988.
- Борисенко 1971 – *В.В. Борисенко*. О фонетической и фонологической трактовке славянских палатализаций // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. М., 1971. № 6.
- Бошкович 1984 – *Р. Бошкович*. Основы сравнительной грамматики славянских языков: фонетика и словообразование. М., 1984.
- Бранднер 2008 – *А. Бранднер*. [Рец. на кн.:] *В.К. Журавлев*. Теория группофонем. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. М., 2007 // Sborník prací filozofické fakulty Masarykovy university. Brno, 2008. A 56 (на русск. яз.).
- Брок 1910 – *О. Брок*. Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910. (Энциклопедия славянской филологии; Вып. 5.2).
- Бубрих 1930 – *Д.В. Бубрих*. Несколько слов о потоке речи. К вопросу о происхождении речи // Бюллетень Ленинград. общ-ва исслед. культуры финно-угорских народностей. Л., 1930. Вып. 5.
- Бурмистрович 1995 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Домашние задания к практическим занятиям по курсу «Историческая фонемология цепочки славянских языков: протославянского (как диалекта праиндоевропейского) – праславянского – правосточнославянского (или древнерусского) в сопоставлении его со старославянским – русского». Абакан, 1995.
- Бурмистрович 2001 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями «предок – потомок», от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Абакан, 2001.
- Бурмистрович 2006 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Предыстория и история русского языка, Часть 1 – фонематическая. Абакан, 2006.
- Бурмистрович 2007а – *Ю.Я. Бурмистрович*. Теория группофонем В.К. Журавлева. Абакан, 2007.
- Бурмистрович 2007б – *Ю.Я. Бурмистрович*. Законы фонетические и законы фонематические: суть тех и других // Slavia. 2007. Roč. 76. Seš. 2.
- Бурмистрович 2008 – *Ю.Я. Бурмистрович*. Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями ‘предок – потомок’, от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского. Абакан, 2008.
- Ван-Вейк 1950 – *Н. Ван-Вейк*. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // Slavia. 1950. Roč. XIX. Seš. 3–4.
- Вейсман 1991 – *А.Д. Вейсман*. Греческо-русский словарь (репринт с V-го издания 1899 г.). М., 1991.

- Глущенко, Орел 2007 – В. Глущенко, А. Орел. [Рец. на кн.:] В.К. Журавлев. Теория группофонем. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. М., 2007 // Мовознавство. Київ, 2007. № 6 (на укр. яз.).
- Гордина 1959 – М.В. Гордина. К вопросу о фонеме во вьетнамском языке // ВЯ. 1959. № 6.
- Драгуновы 1955 – А. Драгунов, Е. Драгунова. Структура слога в китайском национальном языке // Советское востоковедение. 1955. № 1.
- Журавлев 1961 – В.К. Журавлев. Формирование группового сингармонизма в праславянском языке // ВЯ. 1961. № 4.
- Журавлев 1963 – В.К. Журавлев. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке (Опыт диахронической фонологии). Докл. на V международном съезде славистов. Минск, 1963.
- Журавлев 1965 – В.К. Журавлев. Некоторые теоретические и типологические предпосылки гипотезы о праславянских группофонемах // Сборник за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1965. Т. 8.
- Журавлев 1966 – В.К. Журавлев. Группофонема как основная фонологическая единица праславянского языка // Исследования по фонологии. М., 1966.
- Журавлев 2005 – В.К. Журавлев. Очерки по славянской компаративистике / Предисл. А.А. Соколянского. М., 2005.
- Журавлев 2007 – В.К. Журавлев. Теория группофонем: Развитие группового сингармонизма в праславянском языке / Предисл. Ю.Я. Бурмистровича. М., 2007.
- Зализняк 1995 – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Камчатнов 1998 – А.М. Камчатнов. Старославянский язык. М., 1998.
- Кацнельсон 1958 – С.Д. Кацнельсон. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // ВЯ. 1958. № 3. [Перепечатано в книге: С.Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.]
- Климовская 1974 – Г.И. Климовская. Историческая фонетика старославянского языка. Томск, 1974.
- Климовская 2003 – Г.И. Климовская. Старославянский язык. Томск, 2003.
- Колесов 1980 – В.В. Колесов. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Кретов 2002 – А.А. Кретов. Этап лингвистического синтеза. [Рец. на кн.:] Ю.Я. Бурмистрович. Историческая фонемология последовательного ряда или цепи славянских языков, связанных отношениями 'предок – потомок', от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского (Абакан, 2001) // Вестник Воронежского ГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2002. № 1.
- Кротевич, Родзевич 1957 – Е.В. Кротевич, Н.С. Родзевич. Словник лінгвістичних термінів. Київ, 1957.
- Кудрявцев 1996 – Ю.С. Кудрявцев. Очерки по русской исторической фонологии и морфонологии. Тарту, 1996.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.
- Макаревич 1986 – М.И. Макаревич. Методические разработки по исторической фонологии русского языка: Праславянский период. Тамбов, 1986.
- Макаревич 2001 – М.И. Макаревич. Историческая фонология русского языка: Праславянский период. Тамбов, 2001.
- Нилогов 2003 – А.С. Нилогов. Система тестовых заданий по дисциплине «Историческая фонемология цепи славянских языков, связанных отношениями 'предок – потомок', от праиндоевропейского в лице его протославянского диалекта до русского». Абакан, 2003.
- НІЛСиМІ 2000 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. Т. III). М., 2000.
- Панов 1979 – М.В. Панов. Современный русский язык: Фонетика. М., 1979.
- Петров 1997 – А.В. Петров. Праславянская фонология. Архангельск, 1997.

- Петров 2001 – *А.В. Петров*. Практикум по праславянской фонологии. Архангельск, 2001.
- Петрович 1958 – *Э. Петрович*. Явление сингармонизма в исторической фонетике румынского языка – следствие славяно-румынской интерференции // *Romanoslavika*. 2. 1958.
- Совр. русск. яз. 1979 – Современный русский язык. Ч. 1 / Под ред. П.П. Шубы. Минск, 1979.
- Поливанов, Плетнер 1930 – *Е.Д. Поливанов, О.В. Плетнер*. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930.
- Попова 1996 – *З.Д. Попова*. Методические указания к курсу «Модели системы языка в современной лингвистике». Воронеж, 1996.
- Попова, Кретов 1996 – *З.Д. Попова, А.А. Кретов*. Слоговая природа русской фонемы // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1996. Вып. 7.
- Ремнёва 2004 – *М.Л. Ремнёва*. Старославянский язык. М., 2004.
- Розенталь, Теленкова 1976 – *Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова*. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Самсонов 1991 – *Н.Г. Самсонов*. Праславянский язык. Якутск, 1991.
- Скупский 1965 – *Б.И. Скупский*. Старославянский язык. Ч. 1. Махачкала, 1965.
- Станівський 1983 – *М.Ф. Станівський*. Старослов'янська мова. Київ, 1983.
- Федоров 2007 – *А.К. Федоров*. Об учебном пособии Ю.Я. Бурмистровича «Теория группофонем В.К. Журавлева», Абакан, 2007 // Проблемы ономазиологии и теории номинации. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения докт. филол. наук проф. И.С. Торопцева и 70-летию докт. филол. наук проф. засл. деятеля науки РФ М.С. Зайченко 11–13 октября 2007 г. Орел, 2007.
- Чекман 1979 – *В.Н. Чекман*. Исследования по исторической фонетике праславянского языка: типология и реконструкция. Минск, 1979.
- Черных 1993. Т. 1 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993. Т. 1.
- Шевслева 1990 – *М.Н. Шевслева*. Старославянский язык. М., 1990.
- Щерба 1983 – *Л.В. Щерба*. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л., 1983 [1-е изд. – 1912 г.].
- Якобсон 1985 – *Р.О. Якобсон*. Принципы исторической фонологии // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Якобсон, Фант, Халле 1962 – *Р. Якобсон, Г.М. Фант, М. Халле*. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
- Яковлев 1948 – *Н.Ф. Яковлев*. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948.
- Якубинский 1953 – *Л.П. Якубинский*. История древнерусского языка. М., 1953.
- Calleman 1950 – *B. Calleman*. Zu den Haupttendenzen der urslavischen und altrussischen Lautentwicklung. Uppsala, 1950.
- Jakobson 1929 – *R.O. Jakobson*. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // TCLP. 1929. II.